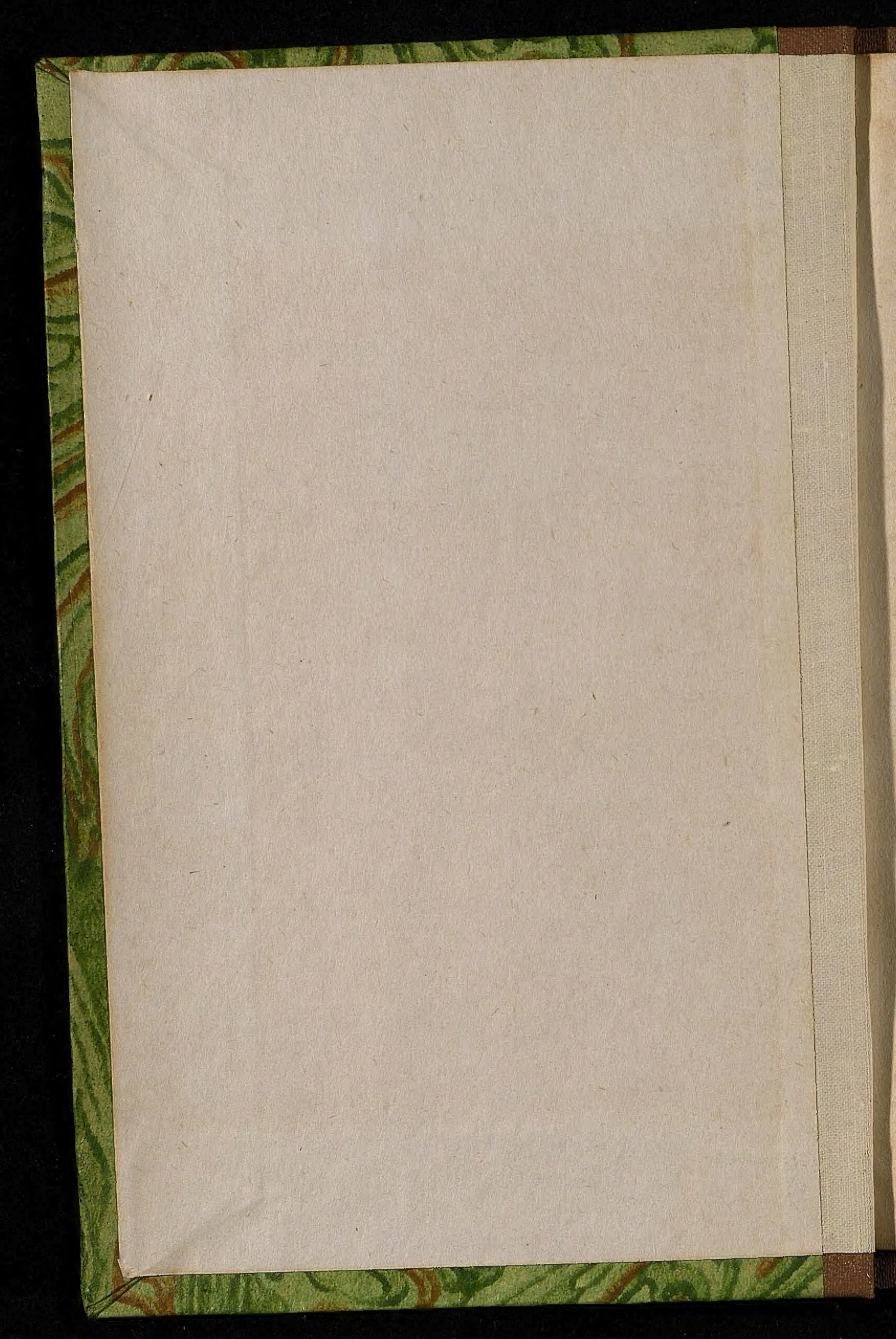

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

АДЪЮНКТЪ-ПРОФЕССОРА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

Майкова,

(*читанная въ* **ИМПЕРАТОРСКОМЪ** *Московскомъ Университетѣ, 20-го Января 1858 года.*)

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1858.

(*Изъ № 16-го Москов. Вѣдом. 1858 года.*)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 10-го дня, 1858 г.

Ценсоръ В. Флеровъ.

Мм. Гг.!

Призванный начальствомъ къ занятію Русской каѳедры, я вступаю на нее съ полнымъ, глубокимъ сознаніемъ великости того дѣла, которое должны мы совершать вмѣстѣ, общими силами. Предметомъ нашихъ занятій будетъ исторія Русскаго слова. Я разумѣю подъ словомъ какъ художественное проявленіе творческой способности человѣка, такъ и самый звукъ, служащій для выраженія мысли: по этому предметъ нашъ самъ собою дѣлится на двѣ части: исторію Русской словесности и исторію Русскаго языка. Въ основаніе занятій нашихъ лягутъ труды предшественниковъ и сотоварищей нашихъ по этой и по другимъ родственнымъ каѳедрамъ, равно какъ прочихъ ученыхъ, трудившихся и трудящихся надъ изученіемъ Русскаго духа въ словѣ. Но какъ ни обильны, какъ ни полны, по видимому, труды эти, наука Русскаго слова, какъ наука живая, постоянно развиваясь, требуетъ и постоянной обработки. Благодаря творческой дѣятельности Русскаго народа, благодаря продолжающимся открытіямъ и изданіямъ, благодаря новому способу изуче-

нія, принятому въ Европѣ, поле нашей науки все шире и шире разстилается передъ нами и открываетъ новую, еще нетронутую почву, ждущую воздѣлывателей. Чѣмъ далѣе впередъ идемъ мы въ наукѣ, тѣмъ просторнѣе и свѣтлѣе становится нашъ кругозоръ. Нынѣшняя бесѣда наша будетъ посвящена бѣглому очерку современныхъ требованій нашей науки сравнительно съ прежними. Но предварительно считаю необходимымъ прибавить, что наука наша, относясь къ слову, этому лучшему и свободнѣйшему выраженію духа, касаясь самыхъ живыхъ началъ нашего бытія, затрогивая и отчасти разрѣшая важнѣйшіе жизненные вопросы, поднятые нашими мыслителями, сама должна быть живою; она должна жить и жизнь свою отпечатлѣвать по возможности на всякомъ образованномъ человѣкѣ. Жизнь науки условливается ея отношеніемъ къ народности и современному движенію духа человѣческаго: и здѣсь-то, въ этой тѣсной связи, въ этомъ примиреніи народнаго со всемірнымъ, и кроется тайна науки, та сила и крѣпость ея, которую мы называемъ самостоятельностію. Когда истина не только сознана, но и прочувствована; когда не только одно признаніе правды, но и любовь къ правдѣ движутъ ученымъ, и когда эти два могущественные двигателя проводятъ науку не только въ область разума, но и во все внутреннее существо человѣка, дѣлаютъ ее біющеюся частію нравственнаго организма, тогда наука не остается безплодною, безучаст-

ною: она переходитъ въ жизнь, вызываетъ мысль, пробуждаетъ дѣятельность.

Мм. Гг.! Я почитаю себя счастливымъ, что здѣсь, въ Московскомъ Университетѣ, первенцѣ между Русскими университетами и по рожденію и по значенію; что здѣсь, въ Москвѣ, воспитавшей и сосредоточившей въ продолженіи столѣтій Русскую мысль, могу преподавать науку Русскаго слова. Но я вполнѣ буду счастливъ только тогда, когда бесѣды наши и въ васъ пробудятъ искреннее сочувствіе къ наукѣ; когда вы, принявъ въ себя, сознавъ и провѣривъ, по мѣрѣ опытности, тѣ убѣжденія, которыя вынесете отсюда, сами перейдете къ самостоятельной дѣятельности съ чистымъ, плодотворнымъ стремленіемъ къ раскрытію истины и къ самопожертвованію въ пользу общаго блага. Преподавателю, кромѣ его собственной доброй воли и готовности честно и безкорыстно служить наукѣ, нужно еще участіе его слушателей, и дѣло его тогда только вѣнчается полнымъ успѣхомъ, когда вы широкою, теплою душею воспримете тѣ начала, храненіе которыхъ ввѣрено нашему Университету, когда вы оправдаете и разовьете ихъ вашею послѣдующею общественною дѣятельностію. Вотъ, Мм. Гг., та мысль и та надежда, которыя я питаю въ себѣ, всходя на Русскую каѳедру, и которыя послужатъ мнѣ опорою въ моихъ трудахъ.

Приступаю къ обѣщанному очерку. Сначала изложу вкратцѣ то, что совершено было Русскою каѳедрою въ дѣлѣ науки; по-

томъ перейду къ тому, что мы совершить должны.

—

Начало Московскаго Университета соединено съ мыслію о народномъ самопознаніи. Мысль эта выражена въ указѣ Августѣйшей основательницы Университета, отъ 24-го января 1755 года; ярче и сильнѣе высказана она въ послѣдствіи императрицею Екатериною. Русская каѳедра первая приняла и воспитала эту мысль. Тогда какъ прочія каѳедры заняты были профессорами, вызванными изъ Германіи, Русскую каѳедру занимали, одинъ за другимъ, ученики Ломоносова, Поповскій и Барсовъ. Это обстоятельство весьма важно по тому значенію, которое приняла ученая дѣятельность этихъ двухъ первыхъ профессоровъ и ихъ преемниковъ. Вы знаете, Мм. Гг., что Шувалову и Ломоносову принадлежитъ заслуга главнѣйшаго участія въ основаніи Университета; они были лучшими орудіями воли Императрицы. Шуваловъ въ вышепомянутомъ указѣ названъ «изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводилъ въ исполненіе и то, что совѣтовалъ и писалъ ему Ломоносовъ касательно внутренняго устройства Университета. Оба они были передовыми людьми своего времени и держались той мысли, что наука и вообще просвѣщеніе суть главныя пружины, которыми народъ движется впередъ. «Наука, говоритъ Шуваловъ, вездѣ нужна и полезна, и способомъ

той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми». Понятно, что въ этихъ двухъ передовыхъ человѣкахъ отражалось вполнѣ стремленіе современной Россіи къ сближенію и общенію съ образованною Европою, которому въ то время былъ открытъ широкій, свободный путь Тогдашнее состояніе наукъ перешло черезъ нихъ и въ Московскій Университетъ въ лицѣ выписанныхъ профессоровъ, которыми однако не былъ доволенъ Ломоносовъ за ихъ исключительность. При видимомъ огромномъ вліяніи на Россію иноземной стихіи, Ломоносовъ, какъ самородный представитель духовнаго развитія своего народа, оставался сильнымъ поборникомъ Русскаго начала. Въ наукѣ стоя въ уровень съ современными Европейскими учеными, даже опережая ихъ въ нѣкоторыхъ открытіяхъ, онъ не покланялся однако западной учености до отрицанія народной самодѣятельности. Въ Русской наукѣ онъ былъ представителемъ народности и сильно отстаивалъ Русскихъ и Русскій языкъ. Его постояннымъ желаніемъ было водворить и распространить науку между Русскими людьми. Онъ олицетворялъ въ себѣ тотъ Русскій геній, который быстро усвоиваетъ себѣ плоды человѣческаго развитія и самъ способствуетъ умноженію ихъ.

Вотъ отъ какого учителя пошли и Поповскій и Барсовъ. Стихъ Ломоносова отражается въ стихѣ Поповскаго, Русское направленіе Ломоносова высказывается въ убѣжде-

ніяхъ Поповскаго, не перестававшаго твердить, что философія должна читаться на Русскомъ языкѣ и что «нѣтъ такой мысли, кою бы по Российски изъяснить было невозможно». Здѣсь сказывался его великій учитель, очистившій Русскій письменный языкъ, создавшій Русскій стихъ и написавшій Русскую граматику, далеко оставившую за собою всѣ предшествовавшія ей граматики и надолго впередъ, почти на полстолѣтія, обогнавшую многія послѣдующія—тѣмъ именно, что въ ней Русскій языкъ былъ выдѣленъ изъ безотчетной смѣси различныхъ стихій, Польской, церковно-Славянской, Латинской; законы его были разумно сознаны и отношеніе его къ церковно-Славянской стихіи опредѣлено вѣрно. Постоянно твердилъ Поповскій, что всякую мысль, даже самую отвлеченную, можно выразить по-русски, и постоянно ратовалъ до личныхъ непріятностей за Русскій языкъ; а тогда, признаться, было съ кѣмъ ратовать. Но будемъ помнить слова перваго Русскаго профессора. Если онъ повторялъ ихъ въ продолженіе всей своей ученой дѣятельности, то, значитъ, сознательно говорилъ ихъ; а доказательствомъ этому служатъ его рѣчи, въ которыхъ онъ весьма ясно выражалъ многіе умозрительные и отвлеченные предметы, и его переводъ поэмы Попе, высоко оцѣненный Ломоносовымъ. Такъ подвигъ Ломоносова въ дѣлѣ языка, какъ всякій подвигъ, совершенный вслѣдствіе сознанія вызвавшихъ его потребностей, не замедлилъ принести добрые плоды.

Наука была перенесена въ Московскій Университетъ изъ Германіи, и въ какомъ состояніи находилась тамъ, въ такомъ явилась и у насъ. Въ то время господствовалъ еще умозрительный или теоретическій способъ, какъ остатокъ схоластики. Профессоры, занимавшіе Русскую каѳедру, назывались профессорами элоквенціи. Уже изъ этого одного названія видно, какого рода преподаваніе преобладало на Русской каѳедрѣ въ первыя времена существованія нашего Университета. Читались стилистика по Гейнекцію и риторика по Эрнести. Обѣ эти науки читались въ связи съ древнею классическою словесностію, изъ которой преподаватели брали образцы. Но Барсовъ начиналъ уже часто обращаться и къ Ломоносову. Ораторство было тогда въ большомъ ходу, торжественныя рѣчи говорились часто. Здѣсь также нельзя не видѣть вліянія современной Европы, приготовлявшей у себя знаменитыхъ ораторовъ для нынѣшняго столѣтія въ палатахъ Англіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ. У насъ же риторика къ концу прошлаго столѣтія перешла къ критикѣ. Требуя образцовъ, она усилила критику, и сначала критику эстетическую. Чеботаревъ, слѣдовавшій за Барсовымъ, былъ уже преимущественно критикомъ. Усиливалось примѣненіе теоріи къ практикѣ, правилъ къ дѣлу. Лекціи Чеботарева были большею частію практическія; онъ разбиралъ прежнихъ писателей, или новыя сочиненія, на пр. Державина; но связи и послѣдовательности между его лекціями еще

не было. Тѣмъ не менѣе вниманіе слушателей мало по малу переносилось отъ иностранныхъ писателей на отечественныхъ, и на этихъ послѣднихъ сосредоточивался приговоръ критика. Древняя классическая словесность, имѣвшая свои особыя каѳедры, постепенно отдѣлялась отъ Русской. Въ дополненіе къ практическимъ занятіямъ или разбору отечественныхъ писателей, Сохацкій читалъ теорію изящнаго, или эстетику, по Майнерсу, которою замѣнилъ прежнюю риторику. Сохацкій, зная превосходно древнюю классическую словесность, открывая въ ней подлинныя красоты, оживляя ее передъ слушателями, старался примѣнить къ ней новѣйшую философію Нѣмецкую, ясно и отчетливо передавалъ предметъ новый и отвлеченный. При немъ введены были нѣкоторые эстетическіе термины въ Русскій языкъ. Онъ былъ достойнымъ предшественникомъ Мерзлякова въ исторіи нашей эстетической критики. Онъ воспиталъ свой вкусъ на Греческихъ писателяхъ и былъ защитникомъ классицизма. Такимъ образомъ наука наша, измѣняя постепенно предметы преподаванія, вводя на мѣсто прежнихъ новые, болѣе занимательные по непосредственному отношенію къ явленіямъ и современнымъ потребностямъ Русскаго слова, шла путемъ успѣха и замѣтно принимала самостоятельное направленіе. Отъ общей теоріи она переходила къ эстетической критикѣ, отъ древне-классической словесности къ отечественной. Еще самостоятельнѣе и народнѣе сдѣлалась

она при Мерзляковѣ, профессорѣ краснорѣчія, стихотворства и языка Россійскаго. Предметомъ чтеній Мерзлякова были языкъ и словесность. Но, имѣя глубокія и вѣрныя понятія о важности филологіи, онъ еще не рѣшался испытать въ ней своихъ силъ, ибо въ основу тогдашняго ученаго образованія, а слѣдовательно и образованія самого Мерзлякова, положены были иныя начала, вѣрныя прежнему способу умозрительному. Самая критика не была еще историческою, а примѣнялась къ требованіямъ теоретическихъ наукъ. Но талантливый, умный, художникъ и мыслитель, Мерзляковъ силою собственной души умѣлъ оживить все то, что способнаго къ жизни крылось въ тогдашней наукѣ. Онъ былъ лучшимъ, блестящимъ выразителемъ теоріи, которую подкрѣплялъ собственными художественными произведеніями. И такъ языкъ Русскій онъ обработывалъ со стороны слога. Словесность онъ излагалъ въ теоріи краснорѣчія и поэзіи, читалъ риторику и піитику и разбиралъ лучшихъ Русскихъ писателей. Онъ стоялъ за классицизмъ. Но изъ лекцій своихъ окончательно устранилъ преподаваніе Греческо-Латинской словесности, говорю, преподаваніе—и только, ибо онъ постоянно сочувствовалъ древнимъ и новымъ художникамъ и окружалъ ими отечественныхъ писателей. Онъ не любилъ теоріи и отвлеченнаго умозрѣнія Нѣмецкаго и даже въ переводѣ эстетики Эшенбурга, служившей ему главнымъ руководствомъ, сдѣлалъ нѣкоторыя поправки. Онъ былъ самородный

мыслитель и дѣйствіемъ собственнаго внутренняго творчества высказывалъ многія глубокія и дѣльныя воззрѣнія въ наукѣ. Его одушевленная импровизація показывала, что съ свѣтлымъ умомъ онъ соединялъ и теплоту душевную, постигалъ и вмѣстѣ угадывалъ изящное врожденнымъ чутьемъ. Онъ пишетъ: «врожденная и совершенствуемая разумомъ чувственная способность—вкусъ, вмѣстѣ съ критикой, основанной на сравненіи, доводитъ насъ до опредѣленія, сколько возможно, точнѣйшихъ границъ изящной природы, изъ которой почерпаютъ свои матеріалы всѣ искусства.» Онъ видѣлъ недостатокъ чисто умозрительныхъ построеній Нѣмецкой науки и холодность ихъ старался дополнить жизненностію, замѣчаемою у Французовъ. Въ его эстетическихъ воззрѣніяхъ видна попытка согласить обѣ эти крайности. Если не на дѣлѣ, ибо многія его правила еще шатки, то по крайней мѣрѣ въ главномъ убѣжденіи онъ былъ правъ; попытка его была вѣрна въ основаніи. Вотъ кстати и примѣръ народности въ наукѣ. Но лучшею стороною его лекцій была критика: здѣсь сказывался въ немъ поэтъ, одаренный необыкновеннымъ чувствомъ красоты, въ которомъ онъ почерпалъ опредѣленія для своей критики. Онъ блестящимъ образомъ заключилъ собою періодъ эстетической критики и показалъ, что въ его время уже отживала старая теорія.

Съ окончаніемъ его ученаго поприща, началась для нашей науки новая пора жизни.

Къ теоріи и эстетической критикѣ присоединилась исторія. Объемъ науки расширился. Старую умозрительную теорію восполнила и исправила исторія искусства; роды и виды поэзіи и краснорѣчія, въ слѣдствіе историческихъ данныхъ, установились и опредѣлились окончательно; критика къ эстетическому взгляду прибавила и историческій, чрезъ что прежнія ея положенія, вѣрныя, еще болѣе окрѣпли, а невѣрныя устранились сами собою. Введеніе этой новой обильной струи въ нашу науку принадлежитъ преемникамъ Мерзлякова, профессорамъ Давыдову и Шевыреву: эта же струя окончательно опредѣлила и народность нашей науки. Правда, еще въ 1809 г. Граматинъ защищалъ свою диссертацію «О древней Русской словесности»; въ началѣ двадцатыхъ годовъ Гречъ издалъ «Опытъ краткой исторіи Русской литературы», Новиковъ и митрополитъ Евгеній издали свои Словари; кромѣ того существовали нѣкоторыя другія пособія; но при множествѣ вновь открытыхъ сокровищъ нашей древней письменности, при современномъ въ Европѣ развитіи историческихъ наукъ на основаніи историко-критическаго метода, когда и у насъ Карамзинъ уже писалъ свою Исторію Россійскаго государства, оставаться намъ при одной библіографіи было невозможно. Всѣ знали о существованіи памятниковъ древне-Русской письменности; одни открывали, другіе издавали, третьи читали ихъ; но внести строй и мысль въ этотъ міръ проявленій духа въ словѣ, раскрыть его

передъ глазами слушателей, какъ цѣлое, исполненное постепеннаго и разумнаго движенія, показать связь древней Руси съ новою и очертить дальнѣйшее многостороннее развитіе новѣйшей Русской словесности—короче, создать первую Исторію Русской словесности, было дѣломъ Русской каѳедры временъ, послѣдовавшихъ за Мерзляковымъ. Для дѣятельности преподавателей и слушателей была открыта цѣлая новая область, призывавшая и призывающая къ воздѣлыванію силы новаго поколѣнія, область, въ которой передъ нами выступаютъ и скапливаются въ словесныхъ произведеніяхъ тѣ духовныя, человѣческія начала, изъ которыхъ слагается Русская жизнь. Особенно, въ области этой, послѣднія два столѣтія важны въ высшей степени по тому быстрому и многостороннему развитію человѣческихъ началъ, до котораго достигла наша народность, какъ вмѣстилище этихъ началъ. Пройти пути, которымъ шло это развитіе, вызванное внутренними потребностями нашего народа и облегченное содѣйствіемъ другихъ образованныхъ народовъ, прослѣдить движеніе Русской мысли въ лучшихъ представителяхъ ея, умѣвшихъ вѣрно понять и въ словесной своей дѣятельности опредѣлить отношеніе народнаго къ общечеловѣческому: вотъ задача исторіи словесности послѣднихъ двухъ столѣтій. Но она будетъ еще полнѣе, если присоединимъ къ ней задачу: обозначить въ исторіи нашей словесности тѣ двѣ крайности, изъ коихъ одна, смѣшавши общечело-

вѣческое, это отвлеченное созданіе синтеза, съ человѣческимъ, имѣющимъ непремѣннымъ своимъ проявленіемъ какую-либо народность или форму, опредѣляемую временемъ, мѣстомъ и врожденными свойствами народа, и забывши, что народъ съ своею самобытностію и своеобразностію есть одна изъ тѣхъ необходимыхъ единицъ, изъ коихъ слагается весь видимый міръ и безъ которыхъ онъ быть не можетъ, дошла до отрицанія народности, формы безусловно необходимой для жизни народа, и стремится къ невообразимой, непонятной безцвѣтности, безобразности, безличности; другая же напротивъ, принявъ нѣкоторыя особенности народныя, составлявшія извѣстный только моментъ развитія, слѣдовательно, единовременныя и преходящія, за коренные признаки народности, стремится удержать ихъ и тѣмъ ставитъ ихъ въ противорѣчіе и противодѣйствіе развитію истинныхъ, человѣческихъ, вѣчныхъ началъ народности, умножаетъ безъ нужды черты, опредѣляющія обликъ народный, которыя по этому самому, будучи случайными, кажутся не чертами, а только морщинами. Повторяю, пройти, прослѣдить и найти все это необходимо и поучительно. А такъ какъ слово есть легчайшее и свободнѣйшее проявленіе мысли и убѣжденій, и такъ какъ мысль и убѣжденія переходятъ въ дѣйствительную жизнь человѣка и отражаются въ его общественной дѣятельности, то наша наука, служа лучшимъ проводникомъ къ узнанію и опре-

дѣленію ихъ, стоитъ въ то же время въ непосредственной связи съ самою жизнію общества и получаетъ для насъ значеніе гражданское: отсюда новый источникъ ея жизни, ибо наука должна быть живою. Вызывая и разрѣшая въ словѣ жизненные вопросы общества, она обязана этимъ историческому направленію нашего вѣка. Отсюда возможная полнота жизни современной науки слова, какъ науки опредѣляющей и внутренній свободный источникъ творчества человѣка, какъ члена человѣчества, и основаніе его дѣятельности, какъ гражданина извѣстнаго времени и общества. Вотъ какое огромное приращеніе въ своемъ объемѣ пріобрѣтаетъ наука, благодаря историческому направленію.

Въ одно время съ водвореніемъ у насъ историческаго направленія и теорія науки установила высшее свое значеніе, какъ отрасль философіи, преподаваніе которой возможно только въ высшемъ учебномъ заведеніи. Въ этомъ наиболѣе всего содѣйствовало ей хорошее знакомство съ трудами новѣйшихъ Нѣмецкихъ мыслителей.

Наконецъ историко-сравнительный методъ, принятый теперь всѣми лучшими Европейскими учеными въ ихъ изысканіяхъ, возводящій къ общечеловѣческому синтезу и признающій связь между частными проявленіями человѣческаго духа въ различныхъ народностяхъ, связь бо́льшую или меньшую, сообразно съ историческими судьбами наро-

довъ, раздвинулъ еще шире предѣлы и нашей науки. Общія свойства человѣчества отражаются въ художественномъ словѣ всѣхъ народовъ; сосѣдство и историческое воздѣйствіе одного народа на другой опредѣляютъ ближайшее частное отношеніе въ извѣстныхъ группахъ народовъ. Какъ художественное слово, такъ и языкъ представляетъ тѣ же степени соотношенія между народами: всѣ Индо-Европейскіе языки, въ слѣдствіе племеннаго родства, имѣютъ между собою внутреннюю связь въ звукодвиженіи, образованіи словъ и построеніи формъ и мысли; между извѣстными языками связь эта сильнѣе по причинѣ ихъ ближайшаго взаимнаго родства. Вотъ послѣднія положенія, выставленныя нашею наукою. Къ рѣшенію ихъ призваны между прочими и мы. Чего мы не разрѣшимъ, то разрѣшатъ наши преемники. Обработка уже началась. Много содѣйствовали ей въ нашемъ Университетѣ чтенія о всемірной поэзіи, раскрывшія историческую связь художественнаго слова между образованными народами древняго и новаго міра, истекавшую изъ одного общаго источника — творческой силы человѣческаго духа. И въ настоящую минуту чтенія о народной поэзіи, объ исторіи древней Русской словесности и сравнительная граматика Русскаго языка, какъ часть общесравнительной граматики, въ лицѣ коей филологія, благодаря тому же историко-сравнительному воззрѣнію, заняла такое высокое мѣсто между человѣческими знаніями, служатъ удачнымъ,

прекраснымъ отвѣтомъ на положенія, предъявленныя современною наукою.

Я бѣгло очертилъ дѣятельность одной только Русской каѳедры. Нѣтъ надобности замѣчать, что нѣкоторыя другія каѳедры, тѣсно связанныя съ нею предметомъ преподаванія, какъ на пр. каѳедры классической словесности, философіи, прежде бывшая каѳедра церковно-Славянскаго языка, а нынѣ каѳедра Славянскихъ нарѣчій, исторіи и словесности, первая открывшая чтенія объ общесравнительной исторической граматикѣ, много облегчали и облегчаютъ труды занимавшихъ ее преподавателей, содѣйствовали и содѣйствуютъ ея успѣхамъ. Излишнимъ бы было также присовокуплять, что наука наша, какъ и другія, не оставалась замкнутою въ стѣнахъ университетскихъ, но постоянно переходила въ жизнь общества, возбуждала въ ней отголоски сочувствія, призывала и образовывала дѣятелей, которые хотя и не участвовали въ университетскомъ преподаваніи, однако трудами своими двигали нашу науку впередъ.

И такъ, историко-сравнительный методъ, этотъ свѣтильникъ, съ которымъ любознательность, стремящаяся къ новымъ изысканіямъ, и разумъ, осмысливающій явленія, вступаютъ въ область человѣческаго вѣдѣнія, вноситъ новый свѣтъ и въ нашу науку, озаряя ту предлежащую ей дорогу, на которой, какъ на единственномъ возможномъ пути, она должна совмѣстить въ себѣ въ соразмѣрности и народное и всемірное. Ясно, что объ-

емъ ея значительно расширяется и требованія умножаются. Изслѣдователю предстоитъ трудная задача въ судьбахъ роднаго слова: отыскать и опредѣлить соотношеніе своего народа съ народами родственными и соплеменными. Въ настоящее время задача эта почти не простирается за предѣлы Индо-Европейскаго племени; по крайней мѣрѣ здѣсь скопляется наиболѣе ученаго труда. Исключенія дѣлаются почти для однихъ Китайцевъ, Евреевъ, Арабовъ и незначительныхъ остатковъ первобытныхъ обитателей Европы, какъ на пр. Басковъ. Но кто знаетъ, на долго ли устоятъ эти предѣлы? Не двинется ли наука далѣе съ новымъ запасомъ свѣдѣній? Уже изученіе языковъ въ поколѣніяхъ Симитическомъ и Сѣверномъ обѣщаетъ скорое присоединеніе этихъ поколѣній къ Индо-Европейскому въ дѣлѣ науки; уже поиски въ серединной Африкѣ, раскрытіе преданій и языковъ туземныхъ Американскихъ, опыты надъ языками Австралійскими и Малайскимъ, всемірныя, въ полномъ смыслѣ слова, изслѣдованія Гумбольта, пророчатъ историко-филологическимъ наукамъ обширнѣйшую будущность. Но для всякой поры есть свое мѣрило: для нашей мѣриломъ служитъ пока Индо-Европейское поколѣніе.

Въ словесности Русской было время обильное открытіями; древніе памятники, одинъ за другимъ, выходили на свѣтъ Божій. Но они долго оставались необработанными, неприведенными въ порядокъ; потомъ стали разбирать, цѣнить ихъ, опредѣлять ихъ воз-

расть; бо́льшая часть послужила первоначально для трудовъ чисто историческихъ, напомнившихъ о древней Руси. И вдругъ въ умахъ болѣе свѣтлыхъ и обширныхъ родилась мысль, что всѣ эти памятники древней Руси суть плодъ самобытной, своеобразной жизни; что тогда, стало быть, народъ Русскій жилъ и развивался, хотя и не всѣми равномѣрно сторонами своего существа; что словесная его дѣятельность служила вѣрнымъ отраженіемъ тѣхъ главнѣйшихъ оттѣнковъ, которые принимала народная мысль, переходя въ дѣйствительную жизнь. Постоянныя новыя открытія подтверждали эту мысль; всѣ данныя говорили въ пользу жизни и развитія древней Россіи, хотя тугаго и въ высшей степени своеобразнаго. Когда потомъ пристальнѣе вглядѣлись въ памятники и разсмотрѣли ихъ съ этой точки зрѣнія, тогда мысль перешла въ убѣжденіе,—и древняя Русь, забытая было въ пылу стремленія къ подражательной новизнѣ въ прошломъ столѣтіи и долго непризнаваемая поклонниками современности, вдругъ возстала для большинства съ своими отличительными чертами, съ своимъ движеніемъ, съ своими задатками, дѣйствующими и теперь въ жизни народной. Теперь она, кажется, вошла въ свои права, и связь ея съ новой Русью признается и самыми ея противниками. По крайней мѣрѣ, число людей, отвергающихъ связь съ народностью въ древне-Русской словесной производительности и не видящихъ значенія человѣчности въ началахъ, лежавшихъ въ

основаніи нашей былой жизни, не велико и возбуждаетъ постоянное противодѣйствіе въ лучшихъ, передовыхъ людяхъ, умѣющихъ соединять мысль народности съ признаніемъ движенія впередъ, или, что то же, требующихъ историческаго, разумнаго совершенствованія. Памятники древне-Русской словесности носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то живаго, присущаго народу, и по нимъ-то, по ихъ связи съ народомъ, узнается самый образъ народа и та жизненная сила, которая постоянно извлекала народъ изъ застоя, сила, подъ вліяніемъ которой возникали и рѣшались вопросы нравственные и общественные. Противорѣчія общему порядку вещей, существующія всюду и всегда, вызывали и въ древней Россіи обличенія; но исключеніе не должно обращать въ правило, уклоненіе отъ закона дѣлать закономъ, отрицаніе переводить въ положеніе. Но первоначально изученіе памятниковъ древне-Русской словесности, также какъ писателей новѣйшихъ, оставалось почти исключительно въ предѣлахъ Россіи, между тѣмъ какъ древняя Россія, не говоря уже о новой, не могла оставаться совершенно отчужденною отъ остальной Европы: въ разное время и въ разныхъ отношеніяхъ она соприкасалась съ нею, и дѣйствіе этого соприкосновенія отражалось и въ ея словѣ.

Равнымъ образомъ въ изслѣдованіяхъ объ языкѣ долго ограничивались однимъ Великорусскимъ нарѣчіемъ, и притомъ почти исключительно языкомъ образованнаго обще-

ства, считая воздѣлыванiе его достаточнымъ при однихъ собственныхъ его средствахъ. Если и пытались когда заглянуть за предѣлы Русскаго языка, то не скажу, чтобы попытки эти были удачны, ибо не было еще тогда найдено настоящаго пути къ сближенiю языковъ. Правда, когда обращались къ другимъ языкамъ, тогда предчувствовали что-то важнѣйшее, плодотворнѣйшее для науки; но способы къ оправданiю предчувствiя этого принимались слишкомъ поверхностные, легкiе, и дѣло ограничивалось почти однимъ только созвучiемъ общеплеменныхъ словъ, или же доходило до крайности, до нелѣпыхъ толкованiй и еще нелѣпѣйшихъ выводовъ относительно народностей на основанiи словопроизводства. Такъ было вездѣ; такъ должно было быть и у насъ въ первыя времена знакомства съ филологiею. Внутреннее сходство языковъ, заключающееся въ сходномъ и послѣдовательномъ видоизмѣненiи звуковъ, строенiи формъ и способѣ словосочиненiя, было еще неизвѣстно. Здѣсь-то, въ этихъ узкихъ предѣлахъ одного Русскаго, зародилось и то крайнее убѣжденiе, которое вызвало противъ себя другую крайность, ставшую совершенно внѣ этихъ предѣловъ и не желавшую даже заглядывать въ нихъ, не признававшую большей части того, что заключалось въ нихъ,—и вотъ начало литературнаго сторонничества, начало борьбы, которая сперва имѣла смыслъ въ томъ отношенiи, что начала, на которыя опирались противники, расходились между собою; ибо, не будучи

хорошо разъяснены, были поняты односторонно, и, слѣдовательно, борьба исходила хотя и отъ ложнаго, но тѣмъ не менѣе искренняго убѣжденія; теперь же, по видимому, она не должна имѣть смысла, ибо начала сознаны глубже, понятія потеряли свою исключительность, взглядъ сталъ объемистѣе, и потому убѣжденія тѣхъ и другихъ должны бы сойтись, какъ, быть можетъ, они и сходятся въ лучшихъ, я разумѣю, умѣреннѣйшихъ, благоразумнѣйшихъ и болѣе знакомыхъ съ сущностію дѣла, представителяхъ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ какъ наукѣ Русскаго слова грозила вся невыгода ея замкнутаго положенія, влекущаго за собою произвольность толкованія, условность и шаткость выводовъ, Западные ученые, преимущественно Французы и Англичане, разработывали и возсоздавали древне-Азіятскій міръ, Нѣмцы и Итальянцы отыскивали слѣды древнѣйшихъ языковъ въ странахъ Пелопонеза, Эллады и Италіи; тѣ же Нѣмцы уяснили свой древній языкъ и народный бытъ, касаясь отчасти и только стороною Славянъ и Литовцевъ, ибо познанія ихъ въ народахъ и языкахъ Славянскихъ и Литовскихъ были скудны; за ними Славяне коснулись также Литовцевъ, но главныя силы обратили на самихъ себя. Поднявъ въ свою очередь вопросъ народности, Славяне напомнили Европѣ о своемъ существованіи, обработали свой многосложный языкъ, создали словесность и съ помощію историческихъ, глубоко ученыхъ трудовъ

заняли въ минувшей исторіи Европы надлежащее мѣсто, которое долго отнимали у нихъ, смѣшивая ихъ народность съ другими. Будучи особымъ племенемъ, они получили особое значеніе въ составѣ Европейскаго народонаселенія. Какъ изъ земли подъ заступомъ отважныхъ путешественниковъ возникаютъ памятники пластическаго искусства древняго міра, такъ изъ старинныхъ рукописей, изъ начертаній, довѣренныхъ граниту, подъ всепроникающимъ и живящимъ взоромъ критика-филолога вновь возникаютъ отжившіе народы, и все Индо-Европейское поколѣніе огромною семьею собирается передъ лице современной науки. Прадавнее единство духа и языка виднѣется во внутреннемъ бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, словѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ выступаютъ слѣды постепеннаго расхожденія и выособленія; народы получаютъ свою личность, усвоиваютъ себѣ особыя черты подъ вліяніемъ времени и мѣстности, являются то попарно, то цѣлыми семьями, сохраняя въ одномъ случаѣ менѣе, въ другомъ болѣе общихъ признаковъ; но во всѣхъ ихъ, не смотря на вѣка и пространства, ихъ раздѣляющія, вѣетъ одинъ духъ, сквозитъ одинъ образъ. Для науки они всѣ живутъ и взаимно помогаютъ другъ другу.

Въ наше время быстро развилось человѣческое вѣдѣніе; огромны и плодотворны его успѣхи. Но если вникнемъ въ путь, которымъ оно достигало такихъ обильныхъ итоговъ, то увидимъ, что путь этотъ есть самый вѣрный и прямой, путь историко-сравнитель-

наго изученія. Благодаря огромному количеству открытій по части древностей Индо-Европейскаго поколѣнія, благодаря неусыпнымъ, даже до самоотверженія доходящимъ, поискамъ любознательныхъ путешественниковъ и ученыхъ, благодаря не менѣе ревностнымъ изслѣдованіямъ въ области исторіи и языкознанія, мы уже обладаемъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній для того, чтобы къ потребности самопознанія примѣнить способъ историко-сравнительный. Тогда многія темныя стороны нашей жизни въ словѣ и дѣлѣ, нашего внутренняго быта и языка освѣтятся сами собою и восполнятъ то, чего недоставало намъ для полнаго пониманія самихъ себя. Начало уже сдѣлано.

Окинемъ теперь бѣглымъ взглядомъ союзъ народовъ Индо-Европейскаго поколѣнія, укажемъ на тѣхъ главныхъ вкладчиковъ, которые несутъ необходимый матеріялъ для сооруженія зданія, предстоящаго наукѣ Русскаго слова.

Если справедливо положеніе, доказанное физіологіей и въ особенности филологіей, что народы Индо-Европейскаго поколѣнія пошли отъ одного корня и ближе одинъ къ другому, чѣмъ къ народамъ иныхъ поколѣній, то при сходственныхъ чертахъ, открываемыхъ этими двумя науками, должно заключить, что въ нихъ есть сходство духовнаго настроенія, что складъ ума и дѣйствіе разсудка, воли и чувства слѣдуетъ въ нихъ по однимъ началамъ: стало быть, между ними есть много общаго въ главныхъ про-

явленіяхъ ихъ міросозерцанія и духовной жизни. Дѣйствительно, вѣрованія, нравы, обычаи, искусства, языкъ въ историческомъ преемствѣ этихъ народовъ имѣютъ и свою преемственность: та же человѣчность просвѣчиваетъ во всѣхъ. Отсюда исторія Русской словесности почерпаетъ указанія на общія или сходныя черты, выражающіяся въ словѣ въ большей или меньшей степени, смотря по большему или меньшему родственному отношенію Русскаго народа къ другимъ по времени, мѣстожительству и историческимъ связямъ. Но помимо этихъ общечеловѣческихъ признаковъ сходства, взаимно подтверждающихся и уясняющихся, проходитъ другая связующая черта, основанная на особливомъ историческомъ отношеніи Россіи къ нѣкоторымъ Европейскимъ народамъ. Эта черта глубоко врѣзалась въ обликъ народный, и безъ нея онъ теряетъ свою ясность; ибо она не общечеловѣческая, но народная, исключительно ему принадлежащая. Таковое непосредственное отношеніе древней Россіи находимъ, во первыхъ, къ Варягамъ, главнѣйшимъ образомъ въ нашихъ древнихъ сказаніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ общее содержаніе съ Варяжскими; во вторыхъ, къ Греціи, какъ передавшей намъ Христіанскую вѣру, церковные уставы и возбудившей духовносозерцательную и наставительную дѣятельность; въ третьихъ, съ Болгаріею и Сербіею, снабжавшими Россію церковными книгами и служившими посредницами между нею и

Греціею. Участіе ихъ въ нашемъ духовномъ образованіи началось съ первыхъ временъ Христіянства въ Россіи, и эта взаимная связь основанная на одинаковости вѣры и происхожденія, продолжается до сихъ поръ. Мы не спорили съ ними, но вѣрили и молились согласно съ ними; на духовныхъ книгахъ, приходившихъ отъ нихъ, росла и воспитывалась нравственно древняя Русь: это-то и составляло самую живую ея сторону. Ничто такъ глубоко не затрогивало ея, какъ вопросы вѣроисповѣдные. Въ четвертыхъ, съ Польшею. Когда отъ домашнихъ усобицъ переходили мы къ внѣшнимъ сношеніямъ, тогда на первомъ мѣстѣ являлись Поляки, наши дипломатическіе учители, гораздо опытвѣйшіе насъ въ этомъ дѣлѣ по своимъ ближайшимъ отношеніямъ къ Западу. Польша же была главнымъ проводникомъ Латинскаго языка и вліянія Рима. Сдѣлавшись орудіемъ домогательствъ Папы, она подняла вопросы духовной зависимости, и съ нею, какъ державою католическою, мы заспорили. Не задолго передъ тѣмъ въ ней самой происходила упорная, не столько открытая и кровавая, сколько тайная и нравственная борьба двухъ вѣроисповѣданій, борьба замѣчательная по быстротѣ успѣховъ той и другой стороны. Съ конца XV столѣтія гуситство, вышедшее изъ Чехіи и поддержанное Чешскими братьями, быстро распространялось въ Польшѣ и проникало даже въ Бѣлорусію. При Сигизмундѣ Августѣ, едва вся Польша не отторгнулась отъ Рима.

Но со второй половины XVI столѣтія орденъ Христа, предназначенный служенію папской власти, проникнувъ въ Польшу, возбудилъ снова упадавшій католицизмъ, далъ ему вмѣсто оборонительнаго наступательное движеніе, одолѣлъ гуситство, и, какъ быстро распространялось это, такъ быстро и католицизмъ, подъ его руководствомъ, вступилъ въ свои прежнія владѣнія, а потомъ устремился къ новымъ завоеваніямъ. Слѣдствіемъ этого была въ концѣ XVI столѣтія Унія, со всѣми ужасами неумолимыхъ вѣроисповѣдныхъ гоненій и кровавыхъ битвъ на поляхъ Малоросіи и Бѣлорусіи, со всѣми утонченностями богословскихъ преній и запальчивыми выходками на письмѣ. И православная Россія, имѣя во главѣ Кіевъ, заспорила съ католическою Польшею. Это не былъ споръ за отвлеченныя начала или догматы вѣры, въ которыхъ сами католики для облегченія Уніи старались прикрыть и сгладить различіе съ православными, и за которые велись у насъ свои домашніе споры; но дѣло шло за иное приложеніе правилъ къ жизни, за иное представленіе духовной власти, за иныя понятія о всемъ томъ, что служитъ непосредственнымъ переходомъ религіи въ жизнь, за сердечныя убѣжденія, безъ которыхъ нѣтъ жизни истинно человѣческой. Вѣроисповѣдное движеніе въ Чехахъ важно для насъ тѣмъ, что оно возбудило такое же движеніе въ Польшѣ, а это въ свою очередь вызвало завоевательныя стремленія католицизма, породившія у насъ богословско-полемическую

дѣятельность. Такъ это все связано между собою: чтобы понять окончательно одно, надобно хорошо изучить другое. Вліяніе Польши выказалось и на языкѣ письменномъ южной Россіи: оно продолжалось и послѣ Петра Великаго. Эта связь Россіи съ западными Славянами была въ старину тѣснѣе, и Русскіе многимъ дѣлились съ ними и сами многое принимали отъ нихъ. Не говоря о прочемъ, припомню наши отношенія къ Моравцамъ и Словакамъ. Западу же отчасти обязаны мы началомъ другихъ, не менѣе ожесточенныхъ и болѣе продолжительныхъ споровъ съ внутренними расколами, что составило особый огромный отдѣлъ нашей письменности. Замѣчено, что первыя ереси, вызвавшія противъ себя усиленное противодѣйствіе, преимущественно сѣверной Россіи, во главѣ коей стояла Москва, а именно жидовская и стригольничья, распространились изъ Новгорода и Пскова, находившихся въ близкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Литвою и Западомъ. Когда же съ Петромъ пришла для Россіи пора многосторонняго развитія своей народности, и когда, вырабатывая всю совокупность человѣческихъ началъ, вступила она въ духовное общеніе и нравственную среду Европейскихъ державъ, тогда открылась новая жизнь и для ея художественнаго слова. Ея изящная словесность испытывала постепенно сильное вліяніе древнеклассической, Французской и Нѣмецкой литературъ, отмѣченное въ ней особою подражательною порою; кромѣ того, даже лучшіе ея

представители выносили въ своей молодости впечатлѣнія главнѣйшихъ Европейскихъ поэтовъ. Я не говорю уже о самомъ художественномъ образованіи, которое нельзя назвать подражаніемъ, но которое должно быть названо необходимымъ воспитаніемъ таланта: оно основывалось на изученіи классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ. Литература Русская, такъ же какъ и другія, была классическою и романтическою; такъ же какъ и другія, отзывалась и отзывается она на важнѣйшіе современные вопросы. Короче, новую Русскую литературу можно основательно изучить и вполнѣ понять только въ связи съ другими Европейскими литературами.

Тѣ же обширныя и легкія средства, тотъ же ясный далекій кругозоръ и та же обильная жатва ожидаютъ и въ области языка того воздѣлывателя, который вступаетъ въ нее съ историко-сравнительными пріемами. Прежде всего онъ видитъ у себя дома, передъ глазами, простолюдиновъ, говорящихъ народнымъ, кореннымъ Русскимъ языкомъ. Быть можетъ, въ языкѣ этомъ мягкое ухо свѣтскаго человѣка найдетъ нѣкоторые недостатки и даже, какъ выражаются, неправильности; но гдѣ же, въ какомъ языкѣ ихъ нѣтъ? Развѣ книжный языкъ образованнаго общества менѣе имѣетъ ихъ? За чѣмъ указывать на исключенія, когда они сами себя исключаютъ? Ученому нужны первоначальная чистота и естественность народнаго языка, и въ этомъ отношеніи онъ дорожитъ короткими и сильными выраженіями, запе-

чатлѣнными свойствами Русскаго духа, складомъ мысли, отражающимся и въ складѣ выраженія; для него важны слова по своему внутреннему, либо звуковому значенію: одни изъ нихъ замѣняютъ удачно иностранныя, другія хранятъ въ себѣ память о древнѣйшемъ народномъ міросозерцаніи, третьи ведутъ къ раскрытію звуковыхъ законовъ и измѣненій, совершающихся въ языкѣ. Важность народнаго языка уже оцѣнена нашими учеными, и «Опытъ областнаго словаря» есть лучшее тому доказательство.

Не выходя еще изъ границъ нашей письменности, а только всмотрѣвшись пристальнѣе даже въ нашъ теперешній письменный языкъ, мы видимъ, какое важное участіе въ образованіи его принималъ церковно-Славянскій или древне-Болгарскій языкъ. Вся наша древняя письменность проникнута болѣе или менѣе этимъ языкомъ. Большее число памятниковъ писано на этомъ языкѣ съ перемѣною нѣкоторыхъ звуковъ, несвойственныхъ Русскому уху, и съ примѣсью языка народнаго. Такъ и на оборотъ: хотя многіе памятники писаны народнымъ языкомъ, однако въ нихъ сильно присутствуетъ вліяніе церковно-Славянской стихіи. Усилившееся искаженіе первоначальной чистоты церковно-Славянскаго языка и примѣшеніе народнаго, какъ и на оборотъ, продолжалось и послѣ Петра Великаго до самого Ломоносова. Впрочемъ это было не единственное явленіе на Руси; и у Болгаръ и у Сербовъ происходило тоже самое

и съ тѣмъ же языкомъ: напослѣдокъ изъ обѣихъ образовательныхъ стихій письменнаго языка составилась какая-то непонятная смѣсь, пестрота звуковъ и формъ, чуждая органической связи. Какъ у Сербовъ Досиѳей Обрадовичъ, такъ у насъ Ломоносовъ первый понялъ, что такая искусственность въ языкѣ не поведетъ ни къ чему, а только принесетъ еще большее безобразіе; онъ первый опредѣлилъ отношеніе между Русскимъ и церковно-Славянскимъ языкомъ и, вливши въ письменный языкъ народную струю, призвалъ его къ новой, разумной жизни. Съ той поры письменный языкъ постоянно совершенствовался, и лучшіе его дѣятели стремились не къ набору инозвучныхъ словъ, поставляя въ чуждой формѣ всю тайну возвышеннаго слога, а напротивъ добивались возможнѣйшаго сближенія письменнаго языка съ народнымъ. Но при всемъ томъ, въ такъ называемомъ обработанномъ языкѣ хотя и незамѣтны нѣкоторыя чуждыя народному уху формы, незамѣтны потому, что сила употребленія усвоила ихъ и сгладила производимую ими шероховатость, однако зоркій глазъ языкоизслѣдователя легко распознаетъ ихъ и укажетъ, что̀ до сихъ поръ есть не нашего въ нашей граматикѣ. Такъ глубоко вкоренилась церковно-Славянская стихія въ нашъ письменный языкъ; она срослась въ немъ неразрывно съ народнымъ, и надо желать, чтобы она всегда была разумно присуща ему для его же пользы, какъ доказано опытомъ. Если же зада-

димъ себѣ вопросъ, почему это такъ случилось, то отвѣтъ будетъ основанъ, во первыхъ, на исторической связи, глубоко входящей во все духовное образованіе древне-Русскаго народа; во вторыхъ, на родственности обоихъ языковъ, какъ нарѣчій одного Славянскаго языка. Въ нашемъ Университетѣ давно уже чувствовалась потребность въ изученіи этого языка; существовала нѣкоторое время особая для него каѳедра; но новѣйшія болѣе просвѣщенныя требованія вызвали къ жизни каѳедру Славянскихъ нарѣчій, исторіи и словесности, гдѣ онъ составляетъ краеугольный камень, точку опоры, будучи изучаемъ не особнякомъ, но съ обстановкою другихъ родственныхъ нарѣчій, уясняя другія и самъ пріемля отъ другихъ поясненія. Это плоды современнаго историко-сравнительнаго воззрѣнія.

Лишь только выйдемъ мы изъ границъ нашего Великорусскаго нарѣчія съ его письменнымъ языкомъ, какъ тотчасъ видимъ себя въ родственной семьѣ Славянскихъ нарѣчій, составляющихъ вмѣстѣ съ нашимъ языкомъ непосредственное развѣтвленіе одного общаго корня. Прежде всего съ юга встрѣчаетъ насъ Малорусское нарѣчіе, съ запада Бѣлорусское. Оба связаны съ нашимъ Великорусскимъ самымъ тѣснымъ образомъ въ слѣдствіе однообразія мѣстности, не выставлявшей между ними никакихъ естественныхъ преградъ и условливавшей ближайшее соотношеніе въ историческихъ судьбахъ. Всѣ три племени являются въ неразрыв-

номъ тройственномъ союзѣ. Союзъ этотъ такъ тѣсенъ по языку, исторіи, народнымъ свойствамъ, преданіямъ и наконецъ мѣстожительству, что нельзя даже вообразить себѣ того страшнаго ущерба для науки, еслибы мы попытались разорвать его. Далѣе находимъ ту же тройственность союзовъ на югѣ и западѣ. На югѣ Болгары, Сербы съ Хорватами и Хорутане, на западѣ Поляки, Чехи съ Моравцами и Словаками и древніе Поморяне. До сихъ поръ во всей Славянской семьѣ, между всѣми членами ея, поразительно ясно высказывается общеродовое единство; глубоко проникаетъ оно всю природу Славянства; обычаи, вѣрованія, взглядъ на міръ и человѣка, языкъ носятъ печать внутренняго сродства. Вступая въ эту семью, мы невольно чувствуемъ себя въ родственной средѣ—и это чувство отрадно для Славянина языковѣда: онъ знаетъ и убѣждается, что нѣкогда всѣ Славяне составляли одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ Общеродовой типъ долженъ былъ отразиться и на всѣхъ отдѣльныхъ членахъ этой многочисленной семьи, въ которой, не смотря на теченіе времени, различіе историческихъ судебъ, разнообразіе мѣстностей, еще живо высказывается единство крови. Онъ утѣшаетъ себя увѣренностію, что труды, предпринимаемые для одного племени, значительно облегчатся, плоды удесятерятся, достовѣрность итоговъ подтвердится, какъ скоро онъ, покинувъ тѣсный домашній очагъ, сдѣлается гражданиномъ всего Славянства,

придетъ къ своимъ соплеменникамъ не чуждымъ гостемъ, а родичемъ, неся сочувствіе и родственное пониманіе. Онъ тотчасъ увидитъ тѣ общія свойства, которыхъ онъ съ трудомъ и не всегда удачно добивался у себя дома: здѣсь онъ примѣтитъ ихъ легко, осязательно, и по нимъ вѣрно съумѣетъ опредѣлить и признаки своего народа. Многому своему найдетъ онъ здѣсь поясненіе; многое здѣшнее пояснитъ и своимъ. Тогда онъ безъ труда скажетъ, что такія-то черты суть общія, коренныя, а такія-то отличительныя, ему только одному принадлежащія. Тогда и свое выступитъ для него ярче и понятнѣе. Общія свойства цѣлаго успѣшно и вѣрно изучаются только изъ совокупности частей. Изученіе ихъ по одной какой либо части нерѣдко ведетъ къ ложнымъ итогамъ, ибо часть не можетъ заключать въ себѣ всѣхъ свойствъ цѣлаго, либо же даетъ неправильное о нихъ понятіе. Иногда общимъ правиломъ кажется то, что составляетъ лишь особенность одной части; отсюда всѣ невыгоды односторонняго, одиночнаго изученія. Напротивъ, сравненіе всѣхъ частей покажетъ сейчасъ же, что́ между ними есть общаго и что́ составляетъ особенность каждой изъ нихъ; далѣе, на основаніи общаго, можно опредѣлить и самую особенность, ибо какъ бы она далеко ни отстояла отъ общаго, она все таки произошла изъ одного съ нимъ источника, получивъ только особый оттѣнокъ въ слѣдствіе отдѣльнаго, самостоятельнаго развитія частности. Част-

ность условливается своеобразнымъ развитіемъ, зависящимъ отъ обстоятельствъ; но самое начало, заключающее въ себѣ возможность развитія, имѣетъ одинъ и тотъ же исходъ въ общемъ. Такимъ образомъ, изучая всѣ части въ совокупности, мы легко и вѣрно опредѣлимъ и общія свойства цѣлаго, и особенности частностей, и наконецъ можемъ указать и на тѣ исключенія, которыя, если уже назовемъ ихъ исключеніями, то дѣйствительно будутъ таковыми, какъ слѣдствіе превратныхъ обстоятельствъ, борьбы законнаго движенія съ препятствіями и произволомъ случая. Вотъ польза и удобства историко-сравнительнаго способа изученія. Не только видны и неопровержимы они по теоріи, по разуму, но и въ дѣйствительности, въ приложеніи къ дѣлу, получаютъ блестящее оправданіе. Такъ звукодвиженіе нашего языка, преобразовавшее прадавнее первоначальное слово, получаетъ сознательное объясненіе только изъ историческаго преемства звуковъ въ немъ самомъ и сличенія его съ звукодвиженіемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, въ которыхъ найдется или первичная форма, или посредствующая, объясняющая возможность дальнѣйшаго видоизмѣненія въ нашемъ языкѣ. И наоборотъ, находя у себя нѣкоторыя звукосочетанія, еще не измѣнившіяся, или непосредственно, на основаніи общихъ законовъ, вытекшія изъ первичныхъ, мы, съ помощію ихъ, дадимъ возможность объяснить дальнѣйшія формы у другихъ Славянъ. Языкъ нашъ не богатъ граматиче-

скими формами; многія вовсе забыты и отброшены, другія слишкомъ упрощены, или обнажены отъ времени и употребленія. Какъ же бы могли мы объяснить ихъ безъ сравненія съ другими нарѣчіями по представленіямъ одного только нашего языка, очевидно, небрегшаго точностію въ выраженіи временныхъ и качественныхъ отношеній? Во первыхъ, мы должны обратиться къ его памятникамъ минувшихъ вѣковъ и прослѣдить по нимъ постепенное оскудѣніе формъ, изчезновеніе болѣе точныхъ и обобщеніе уцѣлѣвшихъ; во вторыхъ, мы должны справиться у другихъ Славянъ въ ихъ прежнемъ и настоящемъ языкѣ и, тамъ отыщемъ противни нашимъ формамъ съ болѣе точнымъ значеніемъ, отыщемъ и тѣ формы, которыя теперь уже не существуютъ у насъ и являются лишь въ отрывкахъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, между тѣмъ какъ у родичей нашихъ еще живутъ съ полнымъ сознаніемъ своего смысла и служенія. Такъ точно и на оборотъ: для многаго отрывочнаго, неяснаго у нихъ найдемъ полное и ясное у себя. Самый способъ логическаго построенія мысли, выражаемый словосочиненіемъ, почти одинаковъ у всѣхъ Славянъ; о немъ менѣе, чѣмъ о какой либо другой части языкоученія можно разсуждать отдѣльно по нарѣчіямъ. Словосочиненіе, ближе всѣхъ другихъ частей стоящее къ умственному представленію предметныхъ и временныхъ отношеній и непосредственно выражающее складъ мысли, почти одинаковый у всѣхъ Славянъ,

заключаетъ въ себѣ, по большей части, общія свойства, съ которыми такъ тѣсно соединены частности, что толковать о синтаксисѣ какого бы то ни было Славянскаго нарѣчія значитъ толковать при этомъ и о синтаксисѣ общеславянскомъ.

Кто хотя разъ попробовалъ примѣнить къ своимъ изслѣдованіямъ историко-сравнительный пріемъ, тотъ уже испыталъ, какъ много приноситъ онъ облегченія труду и достовѣрности выводамъ. Съ нимъ ларчикъ просто открывается, потому что онъ есть самый разумный и естественный пріемъ. А между тѣмъ безъ него мы должны умудряться, хитрить, итти за море, даже плыть кругомъ свѣта, тогда какъ стóитъ только протянуть руку, да взять готовое.

Такова, Мм. Гг., связь Русскаго слова съ словомъ нашихъ собратій. Повторю вкратцѣ, что трудно узнать самихъ себя безъ сравненія съ другими: съ кѣмъ же лучше сравнивать самихъ себя, какъ не съ ближайшими къ намъ родичами? Съ ними у насъ болѣе общаго и потому болѣе будетъ опредѣляющихъ свойствъ, и опредѣленіе выйдетъ полнѣе, самопознаніе точнѣе. Необходимость изученія Славянскихъ нарѣчій для Русскаго, какъ Русскаго для нихъ, такъ велика и такъ уже осязательна, что ученые нашего времени, вполнѣ сознавая ее, наперерывъ стремятся удовлетворить ей — и мы видимъ, какіе блестящіе успѣхи сдѣланы ими въ ко-

роткое время на полѣ отечественнаго слова. Прошло уже время одиночества и замкнутости, когда Русскому языку недоставало народнаго говора, недоставало исторіи, недоставало пособія другихъ родственныхъ и одноплеменныхъ языковъ; когда Русская словесность менѣе говорила, чѣмъ сколько могла сказать въ пользу развитія Россіи и общенія ея съ соплеменниками и человѣчествомъ. Но не въ упрекъ тому времени будь это сказано: мы обязаны ему обработкою того языка, которымъ говоримъ и пишемъ. Настала пора открытаго, свободнаго, широкаго развитія; пришло время уразумѣнія и сознанія того, что мы имѣемъ и что можемъ и должны имѣть. Не все наукѣ Русскаго слова домосѣдничать и оставаться при однихъ отечественныхъ запасахъ; много пищи соберетъ она и въ родственныхъ нарѣчіяхъ. Опираясь на свое родное, надобно итти и за родственнымъ. Кто знаетъ, какія новыя пріобрѣтенія ждутъ ее на этомъ поприщѣ? Еще есть въ жизни Русскаго племени непочатыя стороны, которыя разработать можно только при помощи равносильнаго знакомства какъ съ Русскимъ племенемъ, такъ и съ другими Славянами, ему соприкосновенными. Судя по сдѣланнымъ начаткамъ, можно заключить, что многое еще хранитъ въ себѣ минувшая жизнь нашего народа, чего мы даже и не подозрѣваемъ. Такъ смотрятъ на науку въ наше время Русскіе и Славянскіе ученые. Какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ Славянскихъ земляхъ,

рядомъ съ каѳедрою туземнаго нарѣчія, воздвигаются каѳедры другихъ родственныхъ нарѣчій.

Но тутъ еще не оканчиваются для науки необходимые предѣлы, поставленные нашимъ временемъ: они идутъ гораздо далѣе. Знаніе Славянскихъ нарѣчій есть только первая ступень къ сближенію нашего языка съ языками соплеменными или Индо-Европейскими. Отличіе этихъ послѣднихъ отъ языковъ другихъ поколѣній состоитъ въ томъ, что сближеніе съ ними проходитъ гораздо глубже въ составъ языка, ибо они одноплеменны и развѣтвились изъ одного праязыка, которымъ когда-то, въ далекія, незапамятныя времена, говорилъ одинъ народъ. Отъ того между ними замѣчаемъ не одно наружное звукоподобіе, какъ остатокъ одного общечеловѣческаго языка, но и внутреннее сходство, выражающееся въ единствѣ общихъ законовъ звукодвиженія, словодвиженія и построенія мысли: по этому попытка одного изъ новѣйшихъ Славянскихъ филологовъ уяснить себѣ корень Индо-Еврепейскихъ языковъ, возсоздать праязыкъ съ первоначальными звуками и формами, имѣетъ свое значеніе.

Окидывая взоромъ языки соплеменные Славянскому, мы видимъ здѣсь парность, замѣняющую Славянскую тройственность. Сочетаніе паръ обыкновенно происходитъ между сосѣдними языками. Отъ Брамапут-

ры и Бенгальскаго залива до западнаго берега Португалiи, съ небольшими перерывами, тянутся языки Индо-Европейскаго поколѣнiя, оставляя среднюю и сѣверную Азiю и сѣверовостокъ Европы Сѣверному и Симитическому поколѣнiямъ. Въ Азiи: Индiйскiя и Иранскiя нарѣчiя; въ Европѣ: Греческiя и Романскiя; остатки Кельтическаго языка, Бретонскiй и Гальскiй, и нарѣчiя Нѣмецкiя, наконецъ Литовскiя и Славянскiя нарѣчiя. Это все потомки одного праязыка, родиною котораго была, по всей вѣроятности, южная часть средне-Азiятской плоскости: здѣсь было гнѣздо Индо-Европейскаго поколѣнiя. Мѣсто и время усвоили дальнѣйшее самостоятельное развитiе этихъ потомковъ, степень ихъ обособленiя и уклоненiя отъ первичныхъ свойствъ общаго корня. Въ отношенiи мѣста, мы замѣчаемъ, что чѣмъ западнѣе языкъ, тѣмъ онъ особливѣе: это поясняется движенiемъ народовъ съ востока на западъ; чѣмъ западнѣе народъ, тѣмъ ранѣе вышелъ онъ изъ прародины, тѣмъ долѣе сидитъ на своемъ мѣстѣ и тѣмъ болѣе языкъ его предоставленъ саморазвитiю. Такъ Арiйскiй говоръ, т. е. языки Индiйскiе и Персидскiе, всѣхъ ближе къ праязыку, Кельтскiй всѣхъ дальше. Относительно времени, каждый живой языкъ чѣмъ долѣе живетъ, тѣмъ болѣе утрачиваетъ первоначальныхъ признаковъ, усиливая самостоятельное развитiе. Со стороны строгихъ филологическихъ требованiй повременное движенiе языка не всегда можетъ быть названо успѣшнымъ;

ибо многія формы исчезаютъ, другія измѣняются, и слова забываютъ первоначальный смыслъ, обличающій дѣйствіе творческой способности въ созданіи языка; звуки теряютъ первоначальную чистоту и подвергаются дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ. Начинаетъ проглядывать и вліяніе другихъ языковъ. Младшіе отпрыски двухъ старшихъ вѣтвей еще болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ старшія вѣтви. Но если, съ одной стороны, повременное движеніе языка есть, въ глазахъ науки, забвеніе прежней естественной формаціи, то съ другой, оно обнаруживаетъ богатство звуковъ человѣческаго голоса и развитіе мысли въ значеніи слова. Тѣмъ не менѣе главнѣйшій источникъ свѣта для филолога заключается въ древнѣйшихъ языкахъ и въ древнѣйшемъ состояніи каждаго языка. На нихъ-то сравнительная граматика обращаетъ особенное вниманіе. Такъ въ Индійскомъ говорѣ первое, по древности, мѣсто занимаетъ языкъ Вѣдъ и за нимъ Санскритъ, наиболѣе удержавшіе отличительныхъ признаковъ праязыка; въ Иранскомъ Зендъ и древне - Персидскій языкъ. Въ Греческомъ языкѣ весьма важны остатки древнѣйшаго нарѣчія, сохранившагося отрывками въ надписяхъ у нѣкоторыхъ старинныхъ писателей; за тѣмъ языкъ классическій. Такъ точно въ Романскихъ нарѣчіяхъ дорого цѣнятся филологами остатки древнѣйшихъ нарѣчій, находившихся на полуостровѣ Италіи, каковы Осцское, Умбрское и др., потомъ классическій Латинскій языкъ.

Отцомъ Нѣмецкихъ нарѣчій является Готскій языкъ; между Литовскими нарѣчіями важнѣе всего, по старшинству, собственно Литовское, какъ между Славянскими древне-Болгарское или церковно-Славянское. Но и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ не всѣ языки равномѣрно уклонились отъ прадавней природы своей; одни ушли впередъ, другіе поотстали. Такъ Славянскій языкъ, въ совокупности нарѣчій своихъ, идетъ къ сравненію не съ нынѣшними Романскими или Нѣмецкими языками, а съ Литовскимъ, Латинскимъ, древне-Греческимъ, Готскимъ и т. д. Такъ Литовскій языкъ по сю пору, благодаря застою народной жизни и глухой мѣстности, наиболѣе между Европейскими языками сохранилъ первоначальныхъ признаковъ. Опредѣленіе степеней въ старшинствѣ языковъ весьма важно для сравнительнаго языкознанія. Но не на одной древности языковъ основываетъ свой расчетъ филологъ: ему нужна совокупность языковъ, ихъ взаимное общее содѣйствіе; ибо каждый языкъ несетъ что нибудь въ общій вкладъ науки: чего нѣтъ въ одномъ, то есть въ другомъ, младшій восполняетъ иногда старшій, этотъ въ свою очередь уясняетъ младшій, и всѣ вмѣстѣ, въ глазахъ филолога, представляютъ стройное цѣлое, гдѣ нѣтъ ни одного лишняго звѣна, гдѣ каждая часть содѣйствуетъ согласію цѣлаго, которое, въ свою очередь, готово примкнуть къ цѣлому всемірному, составленному изъ языковъ всего земнаго шара.

Вотъ, Мм. Гг., тѣ вкладчики, тѣ участники нашей науки, въ союзѣ съ которыми должны постоянно пребывать исторія Русской словесности и Русское языковѣдѣніе. Союзъ этотъ такъ же крѣпокъ и плодотворенъ, какъ вѣренъ и непреложенъ историко-сравнительный путь, приведшій къ нему. Уже наука, съ помощію его, пожинаетъ обильные плоды. Но если союзъ этотъ основывается на признаніи правъ каждаго языка и, слѣдовательно, каждаго народа; если польза его заключается именно въ томъ, что каждая часть входитъ и дѣйствуетъ въ немъ не только какъ часть съ общими признаками цѣлаго, но и какъ самостоятельно развивающаяся особь; то, конечно, и мы тогда только сохранимъ свое надлежащее значеніе и принесемъ пользу общему дѣлу, когда вступимъ въ міровой союзъ съ открытымъ, живымъ сочувствіемъ къ общечеловѣческимъ началамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свято сохранимъ нашу народность. Только при равномѣрности, при взаимномъ уваженіи правъ и самобытности каждаго можетъ быть истинный благодѣтельный союзъ; отрекшись отъ своего прошлаго, сбросивъ съ себя самоличность, что же такое будемъ мы? Мы будемъ призраки безъ мѣста и времени, безъ всего того, что пробуждаетъ въ насъ сознаніе истиннаго достоинства нашей личности и вызываетъ уваженіе къ намъ другихъ. Тутъ не можетъ быть также и исключительности; ибо исключительность не признаетъ общаго и слишкомъ безсильна и узка для столь обширныхъ раз-

мѣровъ, основанныхъ на взаимномъ признаніи правъ общаго и отдѣльной личности. Какъ исключительность, она сама себя исключаетъ.

Пусть же этотъ равноправый союзъ народностей въ общемъ дѣлѣ, признанный сравнительной исторіей и филологіей, послужитъ залогомъ единенія и этихъ двухъ наукъ. Погружаясь мыслію въ этотъ огромный міръ вѣдѣнія, созданный нашимъ вѣкомъ, мы видимъ, что въ немъ всюду проведено сравненіе; всюду дружно работаютъ исторія и филологія. Филологія поднимаетъ завѣсу, скрывавшую доселѣ первобытныя времена человѣчества, диктуетъ первыя страницы исторіи; исторія способствуетъ слову явиться стройнымъ, постепеннымъ развитіемъ втѣленнаго въ него духа человѣческаго, вложенной въ него мысли. Гриммъ отъ лица Германіи, Шафарикъ отъ лица Славянъ, Гумбольдтъ отъ лица, можно сказать, цѣлаго міра, указывая на свои собственные труды, которые мы всѣ глубоко уважаемъ, предъявляютъ требованіе, чтобы исторія и филологія шли объ руку путемъ сравнительнаго изученія. Честь науки, въ лицѣ нашего Историко-Филологическаго факультета, зависитъ отъ успѣшнаго выполненія задачи, выраженной въ самомъ наименованіи этого факультета. Только въ неразрывномъ, равноправымъ, прибавлю, сердечномъ союзѣ исторіи и филологіи и ихъ взаимномъ содѣйствіи скрывается источникъ ученой самостоятельности, которая одна можетъ сдѣлать насъ участниками въ

успѣхахъ Европейскаго образованія и доставить намъ почетное мѣсто въ ряду тѣхъ ученыхъ, которые сами пролагаютъ дорогу впередъ, а нейдутъ обокъ или сзади, повторяя лишь то, что говорятъ другіе.

